

УДК 343.01

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-25-36

КОЛЛИЗИИ ПРАВА И МОРАЛИ В ЗАПАДНОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ

Лезьер В.

Центр культуры и познания, департамент Вар

г. Бринель, ул. Поль Блан, д. 27, дом-офис Центра культуры и познания, Франция

Аннотация. Ведущей целью исследования стало выявление важных аспектов единства и различия, свойственных природе права и морали; автор формирует новый категориальный аппарат юридической науки, являющийся содержанием права и морали в контексте сравнения и обобщения сходных признаков. Важной задачей проведённого исследования стал анализ идей справедливости в трактовках права и морали с позиции современной юридической науки. При исследовании темы автор использовала методы компаративистики, анализа, а также формально-юридической и исторический методы. Статья написана в опоре на западную традицию теории и философии права. Автор впервые вводит в научный оборот новые понятия, которые могут быть интересны теоретикам права и учёным науки уголовного права и процесса, а также всем, кто интересуется историей взаимовлияния права и морали в западной теоретической и философской традиции. В результате проведённого исследования автор приходит к выводу, что право и мораль не могут существовать изолированно в обществе, современное законодательство должно опираться на принципы морали и не противоречить ему. Коллизии, выявленные в моральных установках, воздействуют и нормы права, порождая противоречия, которые могут приводить к росту правонарушений в обществе.

Ключевые слова: право, мораль, юридический позитивизм, гражданское общество, законнический морализм, идея справедливости.

CONFLICTS OF LAW AND MORALITY IN WESTERN PHILOSOPHICAL TRADITION AND MODERN CRIMINAL JUSTICE

V. Lezier

Center for Culture and Knowledge, Department of Var

House-Office of the Center for Culture and Knowledge, 27, Paul Blanc st., Brignoles, France

Abstract. The article attempts to identify the aspects of unity and difference inherent in the nature of law and morality. It also clarifies the categorical apparatus which forms the content of law and morality in the context of comparison and generalization of their similar features. The idea of justice in the interpretation of law and morality is analyzed. The study draws on the Western tradition of the theory and philosophy of law. The article may be of interest not only to the experts in criminal law and procedure, but also to all who are interested in the history of mutual

influence of law and morality in the Western philosophical tradition. The author concludes that morality and law cannot exist in isolation in the society; modern legislation should be based on moral principles and do not contradict them. The collisions revealed in moral attitudes can influence legal norms generating conflicts that can give rise to legal offences.

Key words: law, morality, legal positivism, civil society, the idea of justice, legal moralism.

Дискурс, содержащий проблемы соотношения права и морали, особо актуален для социальной реальности, основанной на признании основных прав личности, её свободы и ценности. В эпоху глобализации, международного сотрудничества и интеграции в социальной, политической и экономической областях стратегия открытой планировки и дерегулирования деятельности, к сожалению, часто лишает реального человека, трудящегося промышленно развитых стран, многих защитных норм, наблюдается апатия к соблюдению прав человека и даже враждебность финансовых учреждений. В то время как распространение юридических текстов, в которых закреплены основные социальные права, создаёт иллюзию необъятного Фонда защиты, перемещение производственных объектов и определение местонахождения транснациональных групп отвечают решениям, направленным главным образом на максимизацию прибыли.

Вместе с тем возможности защиты в судебном порядке прав человека и гражданина по-прежнему сталкиваются со всевозможными препятствиями, институциональными, политическими, правовыми, в основе которых лежат коллизии права и морали, которые необходимо разрешать в социальной перспективе.

Цивилизационно-культурный прогресс наполнил новыми конно-

тациями “золотое правило” морали, закрепил легитимность естественных прав и свобод, устранив правовую и моральную дискриминацию.

Основные права и свободы граждан закреплены в международных документах разных стран. Практические прецеденты в сфере морали и права выступают в качестве эмпирической базы, необходимой для развития их теоретического аспекта. Вопрос единства и различия права и морали определяется в качестве приоритетного и актуального как для философской проблематики, так и для теории права.

Цель статьи: выявить аспекты единства и различия, свойственные природе права и морали; уточнить категориальный аппарат, являющийся содержанием права и морали в контексте сравнения и обобщения сходных признаков.

Противопоставление позитивизма и морализма

Если затронуть вопрос источников по проблеме статьи, можно определить два отчётливых мнения. Согласно взглядам представителей естественного права, вопрос соотношения морали и права необходимо рассматривать в теоретическом аспекте, постулирующем единство и всеобщность нормативно-ценностных закономерностей. Данные принципы лежат в основе устройства космоса, природы и со-

циальной реальности, поэтому они способны функционировать в качестве критериев справедливости законоположений, определяемых государством. Об универсальности и всеобщности норм естественного права свидетельствовали такие мыслители, как Демокрит, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо. Согласно их воззрениям, естественное право не соотносимо с каким-либо формальным действующим законодательством, а имеет метафизические, религиозные, интенциональные основания, которые углубляют и объективизируют его юридический смысл, связывают его с всеобщим мировым континуумом человеческого бытия.

С другой стороны, концепция позитивного права фиксирует принципы этатистского патернализма, секулярности, минимума моральности. Так, в XX в. юридический позитивизм стремится освободить право от нравственной коннотации. Объективно же противопоставление морали и права даёт существенное основание для развития критического направления позитивного законодательства.

Уместно напомнить теоретический момент, давший толчок многим непрекращающимся спорам вокруг права и морали.

После того, как Гоббс, Кант и Гегель побудили философов и теоретиков права провести чёткое различие между областями права и морали, в дискуссиях XIX в. наблюдается опасность того, что межличностные правовые нормы и моральные нормы приведут к рациональности и легитимизации права. В своих изысканиях Остин, Вебер, Кельзен, Х.Л.А. Харт, Н. Лукманн последовательно излагали формальные,

логические, процедурные причины, препятствующие выведению юрисдикции нравственности норм.

В ответ на этот подход к праву, полностью закреплённому на праве, и в противоположность этому отказу от принципа любого метафизического рассмотрения энтузиасты моралистов стремились продемонстрировать невозможность самодостаточности права, его необходимое участие в поддержании или защите ценностей против компаний, которые по-прежнему угрожают законодателю. Превышение правового позитивизма даже привело к восстановлению естественного права, принципа справедливости, которые всё большее число мыслителей признавали условиями существования и прогресса демократии, и верховенства права.

Насколько оправдана и объективна данная критическая позиция? Действительно ли право и мораль несовместимы? Некоторая часть философов, правоведов, социологов дают положительный ответ, считая данные явления несовместимыми. К данному теоретическому направлению можно отнести таких выдающихся социологов и правоведов, как М. Вебер, Кельзен, Оливер Холмс, Тимашев, Штаммлер и др. Так, Вебер, рассматривая социальный аспект правового института, пишет, что вопрос о соотношении права и этики «не представляет никакой проблемы», при этом констатируя ситуацию неразрешённости данного вопроса в пределах адекватного решения. Не все правовые нормы, по его мнению, могут претендовать на определение посредством этических категорий [1; 3; 5; 7; 8; 11].

Любая норма в своей практической предопределённости функционирует в качестве регулятора человеческих действий, социальных отношений, а не автоматических систем. И этого уже достаточно для признания факта наличия этического начала в правовой сфере.

В современной теории значительная привлекательность философских идей Юргена Хабермаса объясняется, в частности, тем, что он высоко оценивает работу судьи, юриста, юрисконсульта в качестве борцов за справедливость и благо.

Дискуссия о коллизиях права и морали в XX в. получила особую остроту. Так, Кельзен считает несостоятельным любой подход в теории права, ориентированный на мораль. При этом сам факт такого отвержения он объясняет актуальностью для современных социальных практик обоснования чисто научной юриспруденции. В свою очередь, представитель правового морализма Густав Радбрух парирует: «право, даже позитивное право, совершенно нельзя определить иначе ... как порядок и установление, которые по самому своему смыслу предназначены служить справедливости» [10, с. 39; 17, р. 51]. Л.К. Шешминцева комментирует этот принцип так: «право, даже позитивное право, совершенно нельзя определить иначе ... как порядок и установление, которые по своему смыслу предназначены служить справедливости» [17, р. 51].

Следовательно, и в XX в. мы встречаемся с явным противопоставлением позитивизма и морализма. Согласно первой позиции, право интерпретируется безотносительно к этическому дискурсу справедливости, согласно

второй – только в отношении к нравственному. При столь формальном противопоставлении методологий правового позитивизма и правового морализма всё же существует основание исследовать их дихотомию как выражение общей антиномии – антиномии теории права. Подтверждением позитивистского дуального тезиса является сам факт существования несправедливых законов, действие которых оценивается социумом позитивно вплоть до их полной аномии. Критический антитезис позитивизма утверждается историческим опытом правовых практик, не учитывающих значения этических принципов, вследствие чего их методы контроля не отличаются от насильственных методов преступных групп.

Если говорить о современной французской правовой доктрине, сепаратизм наносит ущерб и её фундаментальным положениям. Защита автономии права перед нравственностью до 1920-х гг. была сильной тенденцией профессоров права. Поклонники гражданских кодексов, герметичные к эклектичности гениев, они не замечали того, что к догматизму и косности приводит их демонстрация убеждений, предупреждающих о строгих различиях и барьерах, которые должны быть установлены между законом и моралью. Их постулаты основывались на принципе исключения противоречия между религиозными и светскими ценностями, т. к. мораль, по их мнению, истоками уходит в религиозность, а ценности Республики – это демонстрация светскости. Несмотря на тексты, которые в кодификациях дают представление о доле, сделанной в соответствии с требованиями мо-

рали, через понятия нравственности, добросовестности, хорошего отца семьи, вины, это догма, предоставляемая французскими теоретиками права, что законодатель и судьи должны избегать путаницы норм.

Однако сначала в 1925 г. произошёл мировоззренческий поворот автора нравственной нормы Рипера в гражданских обязательствах, который призывал к нивелированию границ между нравственной нормой и правовой нормой в области, характере и цели, поскольку право имплицитно содержит идею справедливости, а мораль основана на категории праведности [12, с. 71].

Идеи Рипера поддержали Жессеран и Карбонье. Диалог морализма и юридического позитивизма продолжился в 1980-е гг., когда повсеместно заявлялось об этике, и даже вызвал «заметную морализацию права», «неоспоримое и необратимое явление» (Ж. Хабермас), заставив учёных-юристов рассмотреть многочисленные современные взаимосвязи между двумя нормативными системами. Иоанн Карбонье, Филипп Ле Турно свидетельствовали каждый по-своему о том, что они думали о процессе миграции морали в закон. Строго научному правовому позитивизму противостоит правовой морализм следующим радикальным утверждением: действие закона, противоречащее общепризнанным этическим принципам, не может признаваться в качестве действия подлинного права. При этом данный тезис относится не к общему контексту правопорядка, а к действию каждой отдельной правовой нормы. Следовательно, радикальный правовой морализм корректнее определять как «законнический морализм».

Классическую формулировку «законнического морализма» мы встречаем у Радбруха. Философ права полагал, что государственный закон следует рассматривать как действующий даже в том случае, если он по своему содержанию несправедлив, «ибо противоречие закона справедливости достигает здесь невыносимой степени, так что закон отклоняется от справедливости, приобретая характер «неправильного права» [10, с. 39].

Указанные разногласия в решении проблемы соотношения права и морали, на наш взгляд, являются следствием не различия коннотативных содержаний понятий «морали» и «нравственности». Моральный аспект каких-либо норм, так же как и правовой, выступает лишь в формальном качестве, но не в содержательном. Как моральная, так и правовая нормы могут быть общими по содержанию, но различаться формой выражения – либо в виде абстрактной интенциональной закономерности, либо в виде внешнего силового воздействия. Нравственность же наличествует в правовом институте именно как сущностная характеристика. В данном аспекте безнравственными могут быть и правовые, и моральные нормы, исключая ситуации жертвенных, альтруистических поступков.

Идея справедливости в трактовках права и морали

Для понимания сути сложившейся дискуссии важно понять, как именно выстраивают теоретики логику своих рассуждений. Г. Радбрух определяет идею права, исходя из понятия справедливости, т. к. право – это объективная

реальность, цель существования которой определяется служением правовой идее, идее как ценности: «Est autem ius a iustitia, sicut a matre sua, ergo prius fuit iustitia quam jus» (Глосса l.1. pr. D.1.1). («Право порождено справедливостью, как матерью, ибо справедливость предшествовала праву») [10, с. 50].

Но что есть справедливость?

В этическом дискурсе существует философская позиция, определяющая справедливость как форму морального Добра. Однако это не та справедливость, основной характеристикой которой является позитивное право. Справедливость в данном контексте совпадает с принципом равенства, воплощённом в режиме абсолютного или относительного бытия. Вспомним, что античный философ Аристотель назвал абсолютное равенство между благами уравнивающей справедливостью.

В современном понимании уравнивающая справедливость определяется как эгалитарная практика социальных интеракций, стратификационно равных субъектов, обусловленных границами общих договорённостей.

Если по Аристотелю относительное равенство в общественных отношениях выступает как справедливое распределение благ: социальная помощь соразмерна степени нуждаемости, объём налога определяется уровнем трудоспособности, поощрение зависит от заслуг, а наказание от причинённого вреда, – то в современной социальной реальности в качестве определяющего критерия справедливости выступает всеобщее естественное равенство, с позиции которого любое положение человека в общественной иерархии даёт ему право претендовать на равное распределение благ.

Распределительную справедливость, регламентирующую сохранность равноправия субъектов и их дееспособность, корректно определять как первоначало всего дискурса справедливости, т. к. именно в этом её содержательная идея и то, к чему должно стремиться современное понятие права.

Итак, мы определили лишь один из основных контекстов смыслового пространства понятия Права. Другие коннотации необходимо рассматривать с иных теоретических позиций. Например, исходя из того, что принцип распределительной справедливости не раскрывает информации о критериях равенства участников, и невозможно сформулировать объективный вывод на основании самой справедливости о её наличии или отсутствии. Состоит лишь сравнительно-правовой анализ социальных интеракций, а не способов обращения с ними. Естественно определять, что за воровство полагается меньшее наказание, чем за убийство, но это не определяет типа наказания преступника.

Таким образом, справедливость является принципом, определяющим сущностные черты понятия права. Право – это объективная реальность, аксиологическая функция которой заключена в служении справедливости.

Черты единства и различия права и морали

Современная коннотация понятия “права” относится к периоду зарождения римской цивилизации. Общие начала между религией и правом усматривают И. Кант, М. Вебер, А.Дж. Тойнби, К.Г. Юнг, Э. Фромм. Право справедливо понимается как

итог экзистенциальных, религиозных оснований человеческой активности, когда власть, подчиняя государство данной идее, строит основы государственной жизни.

Представители религиозной культуры, формируя правовой институт, руководствуются в первую очередь религиозной аксиологией, которая имеет сакральный характер. Источник права – Божественная воля, Божий закон. Данные воззрения выступают основой появления теологических школ права, где правовые установления мыслятся как высшие законы мироздания.

Рассматривая в целом мировой опыт человечества, можно отметить, что все институты права архаического периода включают религиозные предписания. Например, герменевтический анализ Законов XII таблиц выявляет множество правовых норм, которые апеллируют к религиозным представлениям. В отличие от других древних правовых систем, в Римской империи основой закона выступают не религиозные идеи, а моральные принципы. При этом мораль понимается как нормированное пространство, представляющее собой своеобразную соразмерность господствующих теологических систем древнего Средиземноморья. Так, римская религия является одним из таких первоисточников, оказавшим существенное влияние на становление римского права. В религиозном мировоззрении римлян человеческий мир предстает как копия мира богов. Поэтому власть законов есть результат влияния и человеческих и божественных установлений, что определяют естественное право и как феномен общественный и

как то, чему «природа научила всё живое» [2, с. 19].

С другой стороны, этимология слова “мораль” восходит к греческому *μοῦ* (латинскому *mos* – *mores*), равно переводимому как «порядок» и «нравы». Под правами здесь понимается подчинение поведения человека общепринятому порядку, т. е. тому, что принято исконно и как поступают все.

Право существует как система норм, которые устанавливаются и поддерживаются формальным регламентом компетентных государственных органов и зафиксированы в юридических актах, причём их содержание характеризуется определённой, аргументированностью прав и обязанностей сторон. В то же время мораль – это более сложное социально-культурное и интенциональное образование, включающее не только формализованные нормы, но и психический мир, определяющий больше свободы и простора для толкования.

В некоторых случаях нормы права и нормы морали, предписывая противоположности, становятся противоречивыми. В истории судебных дел имеется описание таких ситуаций, когда в качестве свидетеля допрашивали супруга, близких родственников, друзей обвиняемого. Согласно законодательным нормам (ст. 182, 183 УК РФ), отказ подобного рода свидетелей от дачи показаний, а так же ложные показания влекут уголовную ответственность. Однако существует правило, основанное на этических принципах: не привлекать близких родственников к данному типу ответственности.

Современные социологи и праведы чаще всего сходятся во мнении,

что основной причиной антиномии права и морали является низкая ликвидность законодательной системы от быстрого темпа социальных процессов. Данная ситуация действительно актуальна для современного социума, но в том контексте, что законодатель не способен прогнозировать все возможные варианты бифуркационных процессов, регуляторами которых являются законодательная система. Корректировка действующих норм происходит впоследствии произошедшей ситуации, после того как противоречия обнаружены и проанализированы. В сущности, наиболее распространённой причиной антиномии правовых и моральных норм является их формальная определённость, которая не гарантирует защиты и возможности полного контроля над ситуацией или, наоборот, требует соблюдения правовых норм в таких отношениях, где моральные принципы определяют данное применение несправедливым. Таким образом, данная антиномия является следствием правовой дифференциации, оценки, одинаковой с позиции морали ситуации или уравнивания обстоятельств, различных с позиции морали [4; 6; 13; 14; 16].

Для обозначения антиномии права и морали философ Г. Радбрух использует выражение: «Внешний формализм права, внутренняя содержательность морали» (право – формально, мораль – содержательна) [11, с. 49]. В данном тезисе автор показывает, как изначальное противоречие «форма – содержание» соотносится с главной – Substrat – основой права и морали. Какова данная основа? Где основа права и морали пересекается? Данные вопросы действительно актуальны,

хотя для большинства уже существует исчерпывающий ответ: поведение человека, его поступки регулируются правом, а духовные и психические проявления – моралью («Мысли не подлежат наказанию»). Такое мнение исходит из интерпретации права как системы норм и принципов, основной функцией которой является регулирование индивидуальной жизни как элемента общей социальной реальности, которая возникает в результате межличностных интеракций [10, с. 50].

Однако неправильно утверждать, что правовые нормы контролируют только внешние действия и, наоборот, моральные оценки не ограничиваются исключительно внутренним поведением («порочные желания», «искушения», «соблазны» внешне не репрезентативны). Любое поведение, как внутреннее, так и внешнее, подлежит моральной и правовой оценке.

Мораль следует признать основой и партнёром права. Мораль в отличие от права не определяют, её толкуют, оправдывают, ощущают, переживают. Мораль присутствует во всех сферах социальной жизни – от индивидуального поведения до государственной политики и экономических отношений.

Различна и оценка мотивов поведения личности [9, с. 14; 10, с. 34]. Согласно правовым требованиям, необходим всесторонний учёт поведенческих проявлений человека, но при этом право исключает оценку того, каковы были мотивы такого поведения. С позиции же морали важнее понять внутренние побуждения, переживаемые интенции, которые явились мотивом того или иного поступка, пусть даже внешне соответствующего установленным нормам права [9; 10].

Если обратиться к правовой практике, здесь пример французских конституций (1791, 1793, 1795 гг.) в их стремлении к моральному восстановлению является вдохновляющим, оно вновь возобладало в 1848 г. и в преамбуле к Конституции 1946 г. В содержании текстов можно усмотреть, как моральная озабоченность по-прежнему совпадает с периодами потрясения французской общины, потрясения совести, революции, падения Империи и восстановления монархии, нацистского ужаса и режима Виши. Преамбулы и заявления, размещённые в главах конституций, по сути, являются высшими местами юридического провозглашения новой морали. В 1983 г. был создан Национальный консультативный комитет по этике наук о жизни и здоровье. 29 июля 1994 г. провозглашён закон «О пожертвовании и использовании компонентов и продуктов человеческого тела, медицинской помощи и репродуктивной помощи и дорожной диагностике», а 6 августа 2004 г. – закон «о биоэтике». Причём включение биоэтики в сферу права является одним из наиболее выдающихся примеров современного процесса изъятия из сферы права морали.

Действительно, легализованная биоэтика отличается от морали своим полезным измерением, тем, что она не стремится, по сути, защитить человека от его научной эксплуатации. Международное публичное право утверждает, что оно изменяет правовое сознание человека так же, как и поведение. Право Европейского союза выросло в силу «принципов», которые были определены как «моральные ценности», имеющие универсальное значение. Основные «права человека

и обязанности гражданина» являются частью всех самых важных конституционных документов Франции и других цивилизационных стран. Ещё можно напомнить о том, что в Государственном Совете через уполномоченных правительства республиканская и либеральная мораль уже более века является неотъемлемой составляющей в официальных постановлениях.

Вопрос усиления моральных принципов и их интеграции с правовыми положениями важен и для деятельности Евросоюза. Так, не случайно Европейская конвенция о правах человека и основных свобод придала юридическую силу многим моральным ценностям.

Наконец, в связи с широким этическим дефицитом, в котором в настоящее время обвиняют судебные профессии, возможно, следует вспомнить принципы этики, созданной королевским законодательством. От средневекового адвоката ожидалось, что он будет представлять «лишенные своих страстей» принципы, такие как умеренность во всех его действиях, трезвость и краткость аргументов. Эта идея прежде всего заключается в том, что адвокат должен иметь только интересы правосудия, не защищая себя от несправедливых причин. Кроме того, он должен действовать только «через истину». С помощью этой профессиональной морали, юридически санкционированной, ясно, что представительство и защита лица, подлежащего судебному разбирательству, а также профессиональные отношения с клиентом имеют лишь второстепенное значение, а основой деятельности адвоката является служение праведности.

И в завершение отметим следующее. Размышления, которые мы привели о коллизиях морали и права, показывают, что цели и у права, и у морали подчас общие: здесь и умиротворение конфликтующих интересов, и духовное развитие человека, как если бы право заботилось не о человеке, а об обществе, как если бы мораль не заботилась о конкретных действиях. Мораль, за исключением субъективизма в целом, нуждается в объективных критериях, общих формулах и правовых санкциях. Поэтому она обогащает

право, законодательство, суд. Но это также мораль, секуляризированная на протяжении двух столетий, сегодня множественная и всё более слабая, которая захватывается законом.

Право и мораль действуют принудительными мерами, при этом смысл их осуществления и способы различны. Для морали – это акции осуждения, обвинения, порицания. В случае же нарушения правовых норм к человеку применяют меры, которые предусмотрены действующим законодательством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авакьян С.А. Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь. М.: Юстицинформ, 2015. 640 с.
2. Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты / пер. с лат., прим. И.С. Перетерского; отв. ред. Е.А. Скрипилев. М.: Наука, 1984. 456 с.
3. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. М.: Норма, 2009. 432 с.
4. Крашенинников П.В. Времена и право. М.: Статут, 2016. 256 с.
5. Крашенинников П.В. Зарождение права. М.: Статут, 2016. 288 с.
6. Керимов А.Д. Государственная организация общественной жизни, вопросы теории: монография. М., 2004. 190 с.
7. Клишас А.А. Социальное государство: монография. М.: Международные отношения, 2017. 272 с.
8. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности: в 2 ч. Ч. 1. М.: Юрайт, 2018. 295 с.
9. Певцова Е.А. Правовое воспитание: вопросы теории и практики. М.: Международный юридический институт, 2013. 296 с.
10. Певцова Е.А. Роль молодежи в современном правовом обществе // Гражданин и право. 2009. № 1. С. 31–46.
11. Радбрух Г. Философия права / пер. с нем. Ю.М. Юмашева. М.: Международные отношения, 2004. 240 с.
12. Харт Г.Л.А. Позитивизм и разграничение права и морали // Правоведение. 2005. № 5. С. 102–136.
13. Шешминцева Л.К. Теория государства и права. М.: Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия, 2016. 356 с.
14. Oppetit V. Philosophy of law. Dalloz, 1999. 35 p.
15. Pfersmann O. "Law and moralit" // Dictionary of the cultural law / eds. D. Alland, S. Pialov. PUF, 2003. P. 1040–1046.
16. Readings in Jurisprudence and Legal Philosophy / comp. M.R. Cohen, F.S. Cohen. Boston, Toronto, 1951. 1130 p.
17. Weber M. On Law in Economy and Society. Cambridge, Massachusetts, 1954. 78 p.

REFERENCES

1. Avak'yan S.A. *Konstitutsionnyi leksikon: Gosudarstvenno-pravovoi terminologicheskii slovar'* [The Constitutional Lexicon: a Dictionary of State and Legal Terms]. Moscow, *Yustitsinform Publ.*, 2015. 640 p.
2. Digesty Yustiniana. Izbrannye fragmenty v perevode i s primechaniyami I.S. Pereterskogo [Digests Of Justinian. Selected Fragments. Translated and Annotated by I.S. Peretersky]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1984. 456 p.
3. Vitruk N.V. *Obshchaya teoriya yuridicheskoi otvetstvennosti* [General Theory of Legal Responsibility]. Moscow, *Norma Publ.*, 2009. 432 p.
4. Krasheninnikov P.V. *Vremena i pravo* [Times and Law]. Moscow, *Statut Publ.*, 2016. 256 p.
5. Krasheninnikov P.V. *Zarozhdenie prava* [The Origin of Law]. Moscow, *Statut Publ.*, 2016. 288 p.
6. Kerimov A.D. *Gosudarstvennaya organizatsiya obshchestvennoi zhizni, voprosy teorii: monografiya* [State Organization of Public Life, Theoretical Issues: a Monograph]. Moscow, 2004. 190 p.
7. Klishas A.A. *Sotsial'noe gosudarstvo: monografiya* [The Welfare State: a Monograph]. Moscow, *International Relations Publ.*, 2017. 272 p.
8. Petrazhitskii L.I. *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei нравstvennosti: v 2 ch. Ch. 1* [The Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality: 2 p. P. 1]. Moscow, *Yurait Publ.*, 2018. 295 p.
9. Pevtsova E.A. *Pravovoe vospitanie: voprosy teorii i praktiki* [Legal Education: Theory and Practice]. Moscow, *International Law Institute Publ.*, 2013. 296 p.
10. Pevtsova E.A. [The Role of Youth in Modern Legal Societies]. In: *Grazhdanin i pravo* [Citizen and Law], 2009, no. 1, pp. 31–46.
11. Radbruch G. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. *International Relations Publ.*, 2004. 240 p.
12. Hart H.L.A. [Positivism and the Separation of Law and Morality]. In: *Pravovedenie* [Jurisprudence], 2005, no. 5, pp. 102–136.
13. Sheshmintseva L.K. *Teoriya gosudarstva i prava: Vostochnaya ekonomiko-yuridicheskaya gumanitarnaya akademiya* [Theory of State And Law]. Moscow, *Eastern Academy of Economics, Law and Humanities*, 2016. 356 p.
14. Oppetit B. *Philosophy of Law*. Dalloz, 1999, 35 p.
15. Pfersmann O. "Law and Morality". In: *Dictionary of the Cultural Law*. PUF, 2003. P. 1040–1046.
16. *Readings in Jurisprudence and Legal Philosophy / Selected by Cohen M.R. and Cohen E.S.* Boston-Toronto, 1951. 1130 p.
17. Weber M. *On Law in Economy and Society*. Cambridge, Massachusetts, 1954. 78 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лезьер Виктория – доктор права и философии, президент Центра культуры и познания, директор научного сектора Центра в регионе Вар, Франция;
e-mail: vika-64@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria Lezier – Doctor of Philosophy, President of the Center for Culture and Knowledge;
e-mail: vika-64@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лезьер В. Коллизии права и морали в западной правовой традиции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 4. С. 25–36.

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-25-36

FOR CITATION

Lezier V. Conflicts of Law and Morality in Western Philosophical Tradition and Modern Criminal Justice. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 4, pp. 25–36.

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-25-36